

Елена ЗДРАВОВОМЫСЛОВА
Анна ТЕМКИНА
(Санкт-Петербург, Россия)

ФЕМИНИСТСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА: КРИЗИС СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ И ПОИСКИ ВЫХОДА

Мы ставим своей задачей рассмотреть, как последователи феминистской идеи из среды философов и социологов подвергают сомнению эпистемологические основания объективного знания. Одновременно мы предполагаем показать, как в своем критическом подходе феминизм солидаризировался с другими направлениями критики позитивистки ориентированной социологии, — той, что доминировала в американских университетах со второй половины 1950-х годов по 1970-е годы. Нам предстоит рассмотреть этнометодологию, феноменологию и постмодернизм.

Основные положения феминистской критики социологической эпистемологии

Всякий социологический текст — и по внутреннему содержанию, и по практическим задачам его использования — содержит элементы той теории познания (или эпистемологии), которые разделяются его автором и предназначены для получения им информации о социальной реальности. Одной из таких теорий вполне может быть признан феминизм. Как социальное движение, социальная теория и исследовательская практика он своеобразен тем, что претендует на построение альтернативной методологии и эпистемологии в рамках социальных наук. Создание такой альтернативы происходит через критику ряда принцепов социальной теории и классической социологии, магистральную линию которой феминистки обозначают как *mainstream* или *male-stream sociology*¹.

В своей критике феминистки отталкиваются от положений Т. Куна (2). Согласно его концепции, эпистемология (теория познания) может быть представлена как стратегия оправдания, убеждений и верований и придания им статуса научных положений, определяемых как “нормальные” и разделяемые всеми в данном сообществе. При этом очень рано в рамках эпистемологических дебатов стали различаться собственно эпистемология,

¹ *Mainstream* — главное направление, *Malestream* — мужское направление. Феминистская литература лингвистически обыгрывает звуковое подобие этих направлений в социологии (напр., 3).

методология и метод. Главные эпистемологические вопросы — вопросы о соотношении познающего и познаваемого, об истинности и ее критериях. *Методология* рассматривается как способ исследования в рамках данной эпистемологии — его замысел, постановка, соотношение познающего и познаваемого, а *метод* — как техника этого исследования.

Известно, что социологическая теория познания стала складываться еще в конце 19-го века как продолжение эмпирической методологии Бэкона (достаточно вспомнить его учение об “идолах”) и рационалистической философии Декарта (он, как известно, представил сомнение как начало познания и главный принцип познающего субъекта: “*cogito ergo sum*”). Новым шагом в развитии социологии познания оказались идеи Эмиля Дюркгейма, сформулированные в его классической работе “Метод социологии” (1894 год) (1). Сформулированные им правила социологического метода сводились к возможности формирования некоего объективного знания о мире социальности. Отсюда делался вывод о возможности существования социологии как науки о социальных фактах (но не отношениях).

Феминистская теория познания общества отнеслась враждебно к такому подходу. Ее сторонники повергли открытой критике подобную методологию как “нечувствительную” к массе опытов и реальностей, в том числе женских. В радикальном варианте этой критики социологическая (она же позитивистская) эпистемология называется сугубо андрокентристской и вообще женоненавистнической.

Если представить теорию Э. Дюркгейма в виде тезисов, а феминистскую контр-позицию обозначить как антитезис, можно рассмотреть, на чем же основывают свою критику феминистки, определить причины их сомнения в возможности существования социологической эпистемологии, равно как перспектив нового знания, основанного на старых концепциях.

1) Первое правило социологического метода по Дюркгейму гласит, что для объективного исследования: “нужно систематически устранять все предпосылки” (1: 435) (то есть чувства, предвзятости и оценочные суждения, а это значит, что необходимо уничтожить страсть и эмоции познающего субъекта).

Для феминистского исследования познающий субъект обладает конкретными желаниями и интересами, он познает в конкретном контексте и с определенной целью. Устранить чувство и заинтересованность из исследования, как бы мы ни хотели, невозможно. Всякое исследование, претендующее на бесстрастность и висэмоциональность, на самом деле содержит

совершенно определенную (иногда тщательно скрываемую) пристрастность, связанную как с сохранением и воспроизводством одних и тех же поведенческих и иных моделей в обществе, так и с соответствующей ему структурой господства.

2) Дюркгейм утверждал, что при определении предмета исследования (или "вещей, которые должен изучать социолог") нужно определить вещи "через составные элементы их природы, а не по соответствию их с более или менее идеальными понятиями" (1; 438). "Социолог, — писал он, — с первого шага вступает прямо в сферу реального. Действительно, такой способ классификации факта зависит не от него, не от его особого склада ума, а от природы вещей. Признак, следствие которого факты относятся к той или иной группе, может быть указан всем, признан всеми, и утверждения одного наблюдателя могут быть проверены другими" (1; 439). Обыденные понятия, считал этот социолог, бесполезны для ученого, который должен создавать новые понятия, приспособленные к нуждам науки.

Современные феминистки полагают, что социальная реальность контекстуальна. Это значит — и здесь они являются явными последователями Мишеля Фуко, — что социология стала такой, какая она есть, благодаря тому, что она является некой частью *господствующего дискурса*, охватывающего и нормы поведения, и статьи законов, и способ выражения господствующих в данном обществе идей. Не секрет, что этот дискурс создан в интересах и исходя из видения мира неким белым мужчиной среднего (господствующего) класса. Таким образом, позитивистский метод выступает как маскирующий интересы познающего, выдающий субъект за аксиологически свободный (то есть не отягощенный заранее заданными ценностями) и безэмпиональный. На самом же деле, какой-либо "внеположенной", ни от чего не зависящей социальной реальности не существует и существовать не может. Любая реальность всегда сконструирована взаимодействием познающего и познаваемого. В радикальном варианте критики Дюркгейма утверждают, что к объективной реальности познающий вообще не может прорваться, поскольку многочисленные способы познания мира (некие фреймы? опыта) пронизывают все познающее и познаваемое.

Возникает вопрос о том, какой же опыт находит превращенное выражение в социологическом знании, в ее *mainstream*. Феминистки утверждают, что социологические факты выража-

² Frame — понятие Ирвина Гоффмана — разделяемые людьми способы понимания мира.

ют некий опыт общественной жизни³ эпохи модерна, а именно, опыт политических действий и оплачиваемого труда, в том числе, следовательно, опыт управления, бизнеса, собственности — а он в современном западном обществе сложился как преимущественно "мужской". Известно, что публичная сфера символически является мужской даже в том случае, когда в ней активно участвуют женщины (9). Опыт исследователя — как правило мужчины — всегда присутствует в полученном социальном знании, и поэтому всегда является гендерно-окрашенным. Осознание гендерной окрашенности исследования заставляет сделать еще один шаг — а именно: признать, что обыденное понятие может стать полезным для социального исследователя. Согласно такой позиции, феминистки (солидарные с Гарольдом Гарфинкелем) утверждают, что все мы являемся некими "социологами обыденной жизни", ибо социальной реальности вне практики, в том числе и познавательной (когнитивной), не существует.

3) Дюркгейм утверждает, что ощущение является источником знания, но оно "вполне может быть субъективным. Поэтому в естественных науках принято за правило устранять чувственные данные, рискующие быть слишком субъективными" (1; 445). Иными словами, социальные факты тем легче могут быть представлены объективно, чем более полно освобождены от индивидуальных фактов, в которых они проявляются. Постоянство и повторяемость — главные критерии объективности получаемого знания.

Каким же по характеру является знание, приобретаемое в феминистском исследовании? Оно разнообразно. Оно озвучивает молчаливое бытие, поскольку оно контекстуально, индивидуально, и, зачастую, уникально, поскольку не повторяемо и не повторяемо.

Выводы Дюркгейма заключают его знаменитое положение о том, что настоящей (читай — объективированной) социологической метод независим от всякой философии (идеологии). "Социология, понимаемая таким образом, не будет ни индивидуалистической, ни коммунистической, ни социалистической... Она принципиально будет игнорировать эти теории, за которыми не может признаться научной ценности, поскольку они прямо стремятся не выражать, а преобразовывать факты" (1; 524). "Для социологии настал момент отказаться от... светских успехов и обрести эзотерический характер, при-

³ Для обозначения *public sphere* — публичности, публичной сферы мы используем русский аналог: общественная жизнь, общественность.

личествующий всякой науке. Таким образом она выигрывает в достоинстве и авторитете настолько, насколько, быть может, проигрывает в популярности" (1; 527).

Феминистки — в противоположность классике социологии — утверждают, что идеология встроена в науку и ее теорию познания. Всякая социология, считают они, идеологична. Поэтому утверждение объективности полученного знания о социальной реальности является отражением доминирующей системы оценок, господствующих идей и вообще всего социального дискурса. Этим поддерживается существующий порядок, как бы тщательно ни была замаскирована идеологизированность науки об обществе.

Утверждение Дюркгейма о том, что социология должна руководствоваться методом, основанным на том, что "социальный факт может объясняться только другим социальным фактом" (1; 526), феминистки доводят до логического конца. Саму социологию надо рассматривать — говорят они — как социальный факт и тогда уже анализировать, как общество сконструировало этот факт и как оно воспроизводит себя в нем.

Феминистки критически читают классические социологические тексты. Они считают себя не только вправе, но и обязаны критиковать их, в частности — категории субъекта, объекта и их отношения в процессе познания.

Критика субъекта или познающего. В социологических текстах вместо слова "субъект познания", — утверждают феминистки, — обычно следует читать: "мужчина". Причем не просто мужчина, а тот мужчина, который представляет господствующий класс. На самом деле никакого абстрактного субъекта не существует. В понятие абстрактного субъекта встроена социальная определенность позиции познающего, причем встроена она так, что представляется как норма. В абстрактном субъекте зашифрован мужской опыт господства в современном социальном пространстве, в нем воплощено фактическое обладание мужчин в науке, с одной стороны, и стилистическое или метафорическое доминирование, с другой (речь идет о таких "мужских" качествах как рациональность, наступательность, объективность — они названы в работах постмодернистских теоретиков элементами фаллоцентричного порядка).

Критика объекта — познаваемой реальности или социальных фактов. Социальные факты, выявленные методом Дюркгейма, также, как мы поняли, подвергаются феминистками сомнению. Традиции дюркгеймовского анализа игнорируют целый ряд опытов, и женских — как уже говорилось выше — в их числе.

Женщину как таковую либо не замечают, либо проблема ставится таким образом, что оказывается нерелевантной проблематике, интересующей женщин. Феминистки утверждают: современная социологическая теория не дает полной информации о "женском мире", поскольку концентрирует внимание на мире другом, "мужском". Неправильная, недостаточная, умалчиваемая информация — (в англоязычных работах встречается термин для нее — *misinformation*) — превращается в дезинформацию (*disinformation*). Социологи — сознательно или бессознательно — дезинформируют общество и конкретных заказчиков их исследований. В конечном счете, социология является не только политической, но и, так сказать, "патриархальной" наукой, которая оправдывает господство "мужского".

Феминистки проблематизируют отношения между познающим и познаваемым. Они утверждают, что отношения субъект — объект не являются вполне самостоятельными, не зависимыми ни от кого и ни от чего ("внеположенными"), поскольку видят в них властные отношения. Познающий абстрактный субъект, постулированный "malestream" — это, по мнению феминисток, "социальный конквистадор", работающих в "режиме открытия". Субъект, как известно, не может существовать вне времени и общества (так сказать, "всегда констатирован"), из чего следует: познающая женщина — со своим опытом, отличным от опыта мужчин и ориентированной на них публичной сферы — будет ставить как исследовательница несколько другие вопросы, использовать другие методы и получать другие ответы.

Претензия на объективизм не реализуема и не реализуема, идеологичность субъекта неизбежна, потому — полагают феминистки — и нужна деконструкция позитивизма. Критика эпистемологических оснований классической социологии заставила их не только выявить недостатки старых методов и методологий, но и построить свою, альтернативную теорию познания общества, разработать свою методологию, обозначить наиболее приемлемые методы.

Альтернативные эпистемологии

Критика феминистками старых теорий научного познания общества связана с опытом женского движения. Критика социологизма оказалась при этом укорененной в особенностях женского опыта: 1) женщин как женщин, 2) женщин как участниц "своего" движения и, наконец, 3) женщин как исследовательниц, принадлежащих к поколению "мобилизации".

Но, как ни звучен был голос феминисток, женские опыты долгое время не становились предметом исследования в основном направлении социологии. Даже опыты, связанные с семьей, воспроизводством, эмоциями, сексуальностью, или вообще не были предметом исследования, или занимали в них до последней четверти века неполноправное, подчиненное, маргинальное положение.

Однако накопление опыта участия в женском движении помогло становлению феминистской эпистемологии. В 1970-е годы она стала мыслительным и познавательным (когнитивным) элементом демократической мобилизации. В период пика массовой "мобилизации" под знамена феминизма участницы женского движения не пренебрегали использованием коллективных действий: как известно, они требовали учета их интересов в университетах, создавали альтернативные коммуну, группы роста сознания и прочее. После спада массовой "уличной" мобилизации, ее последствия выразились в развитии критики классической эпистемологии как основы социальной системы и политического режима. Смена теоретической парадигмы составила следствие и часть процесса "мобилизации".

Наконец, критика старых, традиционных оснований социальных наук связана с формированием нового образа социологии, каким он предстал в американских университетах после массовых протестов конца 1960-х годов. Критика возникла в контексте тех сообществ, в которые попали исследовательницы — участницы демократического протеста — то есть представительницы "новых левых" и других движений. В то время позитивистская социология признавалась, как мы помним, единственной истиной, а количественные методы занимали практически все поле исследований. Феминистки осмыслили собственный опыт исследователей и преподавателей общественных наук, обнаружили, что их опыт как женщин, их знания, их мнения и поступки не соответствуют тому, что говорила о них социология. Мало того, они не соответствовали и тому, как она говорила о них (поскольку разговор шел на "отцовском языке" — выражение Дороти Смит). Были исследовательницы, сумевшие описать процесс постепенного осознания ими факта того, что они попросту озвучивают чужие мысли и запросы, осуществляют "практики", не отражавшие их интересы, попросту игнорировавшие их: "Социологический дискурс был вне меня, и таким же образом воспроизводился мною для студентов" (11; 37).

Что же игнорировала классическая социология с точки зрения феминисток? Господствующим в послевоенной амери-

канской социологии 1960-х годов был, как известно, структурно-функциональный анализ Т. Парсонса; женщины в нем были "ответственны" за экспрессивную функцию, а мужчины — за инструментальную. Ясно, что этот постулат не соответствовал знаниям и опыту женщин.

Но как сделать социологию "чувствительной", к женскому опыту (или вообще к другому), как ее сделать не сферой подчинения, подчинения и "ранжирования"? Как приблизить ее к реальности, построить новую (в том числе феминистскую) теорию социального познания? Эти вопросы волновали социологов четверть века назад, не решены они до конца и теперь. Если признается, что феминистское исследование — заинтересованное, субъективное и политизированное, то возможна ли истина? Каково вообще соотношение феминистского исследования и научного знания?

Ответ на эти вопросы ищут — и уже не первое десятилетие — сторонники по крайней мере четырех научных направлений — *феминистского эмпиризма, позиционизма (standpoint), социального конструктивизма* и, конечно, *постмодернизма*. Интерес к ним последовательно привлекал то одних, то других исследователей, спорщики ломали копы. Но все четыре направления мирно сосуществуют по сей день. Здесь важно подчеркнуть феминистская эпистемология признает сосуществование разных теорий познания (как и разных ветвей женских движений), не соглашающихся друг с другом в частных вопросах, да и в вопросах кардинальных, касающихся основ знания, — признает право на другое мнение. На практике феминистки часто соединяют элементы разных теорий познания. Это можно лишь признать, так как это свидетельствует о возможности не только спорить, но и осмысливать аргументы несогласных, использовать рациональные черты их построений. Общим для всех четырех направлений является то, что в методологии все они видят *перспективу познания общества женщиной (женщинами)*, в методе — *инструмент исследования*, связанный с выбором его предмета, причем такого, который интересен именно женщинам.

1. Феминистский эмпиризм

Эмпиризм как эпистемология связан с "добавлением" женского опыта в позитивистский дискурс (6). "Эмпиристки" в духе либерального феминизма считают, что можно просто скорректировать объект и таким образом "починить" отношения познающего и познаваемого.

Как это сделать? Лакмусовой бумажкой при определении позиции познающего субъекта является момент постановки проблемы исследования, его предмета и исследовательских задач. Ученые задают вопросы, (бессознательно) исходя из своего опыта, его оправдания и его воспроизводства. Например, мужчина-социолог ставит вопрос о разделении труда в семье, опираясь на уже существующие представления — как на обыденном уровне (в его семье), так и на уровне социальном. Это устоявшиеся воззрения о существующих ролях (скажем, на момент 60-х годов — в духе Парсонса — о разделении функций в семье на инструментальную и экспрессивную). Как “добавить” женский опыт в постановку задач социологического исследования?

Первый способ — “физический”: включить в исследовательское сообщество женщин-социологов. Число женщин можно увеличить через, например, введение квот для женщин при поступлении в университет, через создание специальных условий, которые бы способствовали их обучению и квалификации, онному росту, иными словами — в духе либерального феминистского подхода — надо изменить условия образования женщин. Однако Сандра Хардинг (6) и Дороти Смит (11) справедливо возражают этой позиции, утверждая, что такая добавка не изменяет ситуации — “включенные” женщины начинают говорить на языке основных социологических теорий, берут на вооружение существующий дискурс. Они ассимилируются к роли бесстрастного, абстрактного, внеконтекстуального познающего субъекта, в этой роли исчезает их собственный опыт. И хотя они приобретают новое знание, оно, тем не менее, не подрывает традиционных основ.

Другой вариант той же стратегии — “исторический”: можно исследовать женщин, внесших вклад в развитие общества, вернуть те страницы истории, которые оказались за границами исследования, и тем самым приобрести новое знание. Но и это — отношения дополнительные, ибо чаще всего таким образом приобретает лишь знание о том, как женщины воспроизводят тот самый порядок, где жестко закреплены определенные гендерные практики⁴.

Третий способ *введения* женщин — это изучение специфических женских опытов, прежде всего тех, которые связаны с так называемыми депривациями: насилием, обездоленностью, страданием. В этом случае важно не скатываться на позицию

⁴ Пример — исследования роли женщин в жизни великих людей, распространявшиеся в России в последнее время, напр., М. Дубинский. “Женщины в жизни великих и знаменитых людей” Минск, Беларусь, 1996.

рассмотрения женщины как жертвы (то есть виктимизацию), уделяя особое внимание проблеме изменения существующей практики (движенческой позиции). Такой способ отразился впоследствии в четвертом — “позиционном” подходе.

И все же: феминистки эмпирического направления оставались и остаются в рамках позитивизма. Исследователь у них предстал и предстает как некто совершенно объективный, нейтральный, ценностно-свободный (в первую очередь, конечно, от сексистской позиции, но и от других тоже). Именно это стало главным пунктом критики эмпиризма в других направлениях феминистской эпистемологии (4; 8).

2. Феминистский позиционный подход (feminist standpoint)

Как указывают Сандра Хардинг, Дороти Смит и их коллеги, объективное знание возможно и достижимо, если исходить из общего женского опыта, опыта страдания и опыта сопротивления. Преимуществом женской позиции (угла зрения) связаны с развоенным самосознанием (идентичностью) женщин, с возможностью ошутить и осмыслить несоответствие их конкретного опыта и научной абстрактной деятельности.

Для получения объективного знания исследователи должны признать роль эмоций в его создании и обратиться, в первых, к опыту женщин как опыту “чувствующих субъектов”, признавая, что знание угнетенного точнее и глубже знания угнетающего и, во-вторых, обратиться к опыту “новой женщины”, протестующей против старого порядка.

Позиция женщины как исследователя позволяет, с их точки зрения, достичь более адекватного знания (в этом утверждении чувствуется влияние марксистского и радикального феминизма). Она дает возможность посмотреть на те сферы занятий и повседневной деятельности, которые оказались выпущенными, не замеченными, не артикулированными мужской социологией.

Какие же возможности открывает “женская позиция” (“женский угол зрения”)? Прежде всего, женщина мыслит в категориях отношений, ее деятельность чувственная, конкретная, ориентированная на переживания, а не на факт. Вслед за Кэрол Гиллиган исследовательницы противопоставляют “абстрактной маскулинности” — (abstract masculinity) — “фемининность, ориентированную на отношения” (relational femininity). Предметом исследований женщин становятся особые опыты и практики, которые не попадают в сферу мужского интереса в науке — история и социология эмоций, страда-

Современная феминистская теория познания соотносит себя с существующими эпистемологическими подходами, прежде всего — с постмодернистским и социально-конструктивистским.

Постмодернистская эпистемология отрицает идею нейтральных "фактов", существующих независимо от теории. Знание, утверждают теоретики, коренится в ценностях и интересах. Любое производство знания — есть акт конструирования, поэтому любые претензии на истину беспочвенны. Как утверждает постмодернистские теоретики, например, Джудит Батлер, субъекта до действия не существует, и потому политика, основанная на какой-либо идентичности (идентичность — это процесс), невозможна. Не существует и каких-либо универсальных теорий. Акцент всегда должен делаться на различии (difference). При этом постмодернисты пытаются объяснить, каким образом люди обретают свойственное им понимание мира, определить, какие идеи могут быть выражены, а какие — отвергаются. Они устанавливают "режим истины", определяя объект анализа, то есть то, что подлежит осмыслению.

Ясно, что таким образом подрываются основания объективного знания, которое предстает непременно связанным с властью. Знание и власть неотделимы друг от друга, знание — это власть в той степени, в которой оно принимается как "истина" (и/или руководство к действию). Таким образом, не только субъект, изучающий объект, получается "сконструированным", подобным получается и само "изучающее познание". Нет, — считают постмодернисты, — истины вне дискурса, нет общей теории. Поскольку же отрицается истинность знания, то признают постмодернисты — невозможно и утверждать, что феминистское знание лучше других. Все, что оно может сделать — это представлять альтернативный взгляд, подвергать сомнению, вопрошать и бросать вызов.

Постмодернистская эпистемология провоцирует критику со стороны феминизма. Она делает невозможным и политически бессмысленным исследование неравенства, иерархий или властных отношений. Постмодернистский подход утверждает, что самость (self) фрагментарна, и следовательно, невозможно говорить о ней как способной действовать и принимать решения. Ясно, что такие эпистемологические основания подрывают основы какого бы то ни было действия, направленного на изменение существующих социальных порядков.

ния, особенности сексуальности у разных народов; в микро-социологической теории ими реабилитированы приватная сфера и повседневный опыт как предметы изучения социологии. Женская деятельность относится к чувствующей и чувствительной практике, к жизнеобеспечению, воспитанию и повседневности — то есть к особым предметам социальной науки (7). Рациональный ум мужчины не в состоянии понять опыт женщин, связанный, например, с детьми, считают сторонники рассматриваемого направления. Они указывают, что это можно сделать только через включение эмоционального опыта — опыта отношений заботы. Поэтому они включают в теоретическое знание элементы психоаналитической теории, обращаясь к теории объектных отношений, развития "самости", обретения идентичности (5).

Кроме того, опыт участия в женском движении дает возможность осмыслить и общество в целом, и социальные изменения. Новый тип личности, создаваемый изменениями, дает основания для иного знания. Критическая позиция участника движения делает видимым несправедливость неравенства, образованного "социальным полом" (гендерной стратификации), умалчивающего женский опыт. Если мужское исследование — это производство (industry), то женское — это ремесло (craft), и в женском труде объединяются "рука, интеллект и сердце" (10) — так утверждают феминистские исследовательницы⁵. Эти различия обнаружились в понимании познающего, познаваемого и процесса познания как единства "физического, умственного и эмоционального". На ранних стадиях апелляция шла к самому женскому движению, которое соединяло объективное и субъективное знание, равно как "физическое, умственное и эмоциональное". Позднее изменение соотношения познающего и познания уже рассматривалось за пределами движения, причем средством объединения интеллектуального и эмоционального и стало феминистское исследование.

Рассмотренное выше направление также оказалось в центре критики, по крайней мере, по двум основаниям. Во-первых, ссылаясь на сходство в положении женщин, оно игнорировало различия между ними (на что немедленно указали цветные феминистки). Во-вторых, многим показалось весьма сомнительным положение о том, что женщины могут быть свободными от участия в отношениях доминации, и поэтому рождающими некое истинное, объективное знание.

⁵ О способности женщин через вчувствование создать иную культуру писал Георг Зиммель в очерке "Женская культура".

4. Социальный конструктивизм

Еще один вариант рассматриваемой эпистемологии — социальный конструктивизм. Он представляет собой вызов и позитивистскому, и позиционному, и постмодернистскому подходу. Его основной тезис сводится к тому, что социальный мир сконструирован (данный подход представлен также этнометодологами и сторонниками теории взаимодействия, интеракционизма). Однако «сконструированность» расширяется стонниками этого подхода через размежевание его с другими, которым он противопоставляется.

В противоположность постмодернизму, конструктивисты возвращаются к категориям «женщина», «женский опыт» как источнику знания. В отличие от позиционизма, они утверждают, что не может быть особой феминистской науки, нет универсального знания, все знание — продукт опыта. Женский опыт, считают они, не существует, можно говорить лишь о множестве женских опыта. «Конструктивисты» отрицают и возможность бесстрастного исследования. Знание — свидетельствуют они — это когнитивная практика, в каждой конкретной ситуации нужно строго анализировать, кто и когда, почему и зачем изучал этот предмет, в чем он состоял. Это, в свою очередь, предполагает, что группы женщин имеют свой собственный, особый и в то же время общий опыт, так же, как его имеют расовые группы, гомосексуалисты и пр. Социальные и политические контексты предстают у «конструктивистов» чрезвычайно важными для понимания отношений господства и власти.

Феминистское исследование, подчеркивают сторонницы данного направления, должно быть «гендерно чувствительным». Под этим они разумеют, что процесс исследования должен быть рефлексивным, и изучению должны подвергаться не только предметы исследования, но и его (авторов) представления и предпочтения, то есть те «линзы», через которые он/она смотрят на мир, на объект своей научной работы, ведь культурные установки и верования сильно влияют на ее результаты. Задача феминистских исследований — реконструкция множества историй, которые рассказывают женщины, для того, чтобы обнаружить разное знание, которое они содержат (12; 145-148).

Для ищущих истину главная проблема этой позиции — относительность всех выводов (релятивизм). Если согласиться с тем, что исследователь должен быть «осмыслителем» своих собственных позиций, то остается неясным, как же определять силу и значимость рефлексии.

Четыре эпистемологические позиции феминизма по-разному осмысливают отношение познающего и познаваемого. Однако, всех их объединяет и нечто общее. Феминистская эпистемология, подвергая критике существующие способы познания, вводит в область исследования новые темы, устанавливает новые междисциплинарные соотношения, формирует новую социальную парадигму (она, можно сказать, «женотрирована», women centred, в системе гендерно зависимых социальных отношений). Все перечисленные теории переопределяют соотношение познаваемого и познающего. Как указывает Сандра Хардинг (6), феминистские исследователи «открыли» гендер и его последствия для знания, поставили вопрос — как гендерные верования исследователя преломляют его взгляд на мир, обнаружили женский опыт как источник знания, провозгласили гендерно-чувствительную рефлексивную практику как составляющую исследования. В этом их непреходящая теоретическая ценность.

3. Метод феминистского исследования

Эпистемология как теория познания не является абстрактной философской позицией. Она определяет методологию и чувствительна к методам, предпочитаемым исследователями. Можно согласиться с большинством феминисток, что все социологические методы одинаковы, что нет собственно феминистских методов. Ведь все они исчерпываются набором техник, которые позволяют слушать то, что скажут люди, наблюдать, что они делают. Давно известен и исторический метод (6). Однако из особенностей эпистемологии вытекают и некие новые особенности методологии и методов. Как отмечает Сандра Хардинг (6), феминистский метод отличается, во-первых, «альтернативное происхождение» проблем — они касаются главным образом женщин, во-вторых, выдвигание «альтернативных объяснительных гипотез», в-третьих, постановка новых целей исследования (речь идет о помощи женщинам в понимании мира и своей роли в феминистском освобождении), и, наконец, изменение природы отношений между исследователями и «объектами» исследования.

Методология является способом применения общей теоретической структуры к исследованию. Она включает соотношения познающего и познаваемого. Ни методология, ни методы исследования не могут быть независимы от общих теорий, гипотез и других базисных оснований, на которых строится научный труд. Феминистская теория, используя традиционные аналитические методы, отдает все же предпочтение ме-

задачи: 1) понять основания игнорирования женского опыта в социологическом исследовании, 2) разработать гипотезы о социальных основаниях включения женского опыта. До феминизма женский опыт представлялся как маргинальный для главного направления в социологии. Как возможно включить его в социологическое знание? Как обеспечить освобождение женщин?

Как мы видели, было предложено, по меньшей мере, четыре варианта выхода из ситуации — 1) включить (добавить) женщин в исследование, 2) осуществлять исследование с позиции женщин и особенностей их опыта, 3) понять способы, которыми сконструированы многообразные женские опыты, 4) деконструировать имеющееся знание (из которого исключены женщины) через деконструкцию цепочки “знание” — “власть” — “субъект”.

Так или иначе, но приходится признать, что все эти подходы формируют основы для науки нового типа или даже вовсе не-науки в позитивистском и рационалистическом смысле. Однако полученное знание будет обязательно иметь отношение к процессу социальных изменений. Оно будет (и уже является) инструментом освобождения, роста сознания, изменения идентичности.

Эпистемология социальных трансформаций должна быть другой, чем эпистемология стабильности. Не секрет, что сейчас идет проблематизация идентичности всех субъектов, создаются новые подходы, объединения, казалось бы, несовместимое. В общественных движениях наметился возврат к марксизму, по крайней мере, в терминах, в языке. В женском движении востребованы, объединены, синкретизма — еще острее. Если просочатся о социальной науке черных, или зеленых, или голубых, то о женских исследованиях, женской истории, женской социологии — говорят, и очень часто. Такая социальная наука в значительной степени уже и не является социологией или историей, психологией или лемографией, философией или педагогикой, а развивается в сторону конструктивизма, глобализма и cultural studies⁶.

Литература

1. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
2. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.

⁶ Пока не удается подобрать адекватного перевода — “культурные исследования”, поскольку данный термин должен отразить особую традицию социальной науки.

тодам качественным (данная традиция утвердила себя со времен Чикагской школы 20-30-х годов). Существуют и специфические феминистские методы. Назовем среди них метод “роста сознания”, коллективной памяти, акционистскую технику, диалоговые методы (такие подходы существуют и в этнологии, и в историко-культурных исследованиях).

Существует специфика в методах, связанная с “движенческим” происхождением феминистской теории и эпистемологии. Феминистские исследовательницы отдают предпочтение включенному (точнее, участвующему) наблюдению, биографическому методу, нарративному интервью.

Весьма часто рефлексированы отношения власти между познающим и познаваемым в исследовательской ситуации. Что это значит? Власть, пронизывающая дискурс, проникает и в исследовательскую ситуацию. Она влечет за собой асимметрию положений изучающих и изучаемых, возможности манипулирования одного другим, равно как и управления. Существует как минимум три варианта асимметрии, обеспечивающей доминирование исследователя (вариант определяющей властью знания), как интервьюера и как интерпретатора (власть вопрошающего). В иерархической оппозиции к познающему (то есть к тебе как исследователю) оказывается “оно” — познаваемое. Возникает и дилемма интерпретации материала: ты берешь это интервью, берешь человеческую жизнь, искренность, страдание и препарируешь ее своими размышлениями и интерпретациями.

Рефлексивный метод изменяет соотношение исследователя и исследуемого. Диалоговая форма, интракционное интервью способствует преодолению отчуждения в ходе исследования. Для преодоления (или смягчения) иерархии в исследовательской ситуации предлагается включать информанта в обсуждение результата — интерпретация может вырабатываться совместно. Тогда есть шанс преодолеть отчуждения не только самого исследования (это свойственно и для этнологии), но и результата. Констатируется, что исследователь — это не невидимый, автономный, беспристрастный субъект, а исторически определенная личность с конкретными желаниями и интересами, влияющими на постановку задач, способ проведения исследования и его интерпретацию. Рефлексия на всех этапах становится основной особенностью феминистского исследования.

Итак, феминистская эпистемологическая критика, излагаемая в данном тексте, направлена на две исследовательские

3. Abbot P., Wallace C. An Introduction to Sociology. Feminist Perspective. London; New York, 1997.
4. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. London, 1977.
5. Flax K. Political Philosophy and the Patriarchal Unconscious: A psychoanalytic Perspective on Epistemology and Metaphysics //Harding S., Hintikka M., eds. Discovering Reality: Feminist Perspectives on Epistemology, Metaphysics, Methodology and Philosophy of Science. Dordrecht, 1983.
6. Sandra H. Introduction. Is there a Feminist Method? //Harding S., ed. Feminism and Methodology. Milton Keynes, 1987. P.1-14
7. Hartsock N. The Feminist Standpoint: Developing the Ground for a Specifically Feminist Historical Materialism //Harding S., ed. Feminism and Methodology. N.Y., 1987. P.157-181
8. Kloof-Cetina K. The Manufacture of Knowledge. Oxford, 1981.
9. Pateman C. The Sexual Contract. N.Y., 1988.
10. Rose H. Hand, Brain and Heart: A Feminist Epistemology for the Natural Sciences //Signs. 1983. 9 (1).
11. Smith D. Sociological Theory: Methods of Writing Patriarchy //Feminism and Sociological Theory. Key Issues in Sociological Theory. № 4. 1989. P.34-64.
12. Stanley L., Wise S. Breaking Out. London, 1983.

Андрей Станиславович Синельников — социолог, журналист, Директор научного проекта в общественной организации "Анна". Автор ряда статей, анализирующих культурные преобразования формирования гендерных ролей. Автор книги "Разрушенная ячейка: культура, политика и домашнее насилие", написанной вместе с Мариной Писсераковой. Участник российской сети школы по гендерным исследованиям "Лев-98".

Андрей Синельников
(Москва, Россия)

В ОЖИДАНИИ РЕФЕРЕНТА: МАСКУЛИННОСТЬ, ФЕМИНИННОСТЬ И ПОЛИТИКИ ГЕНДЕРНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ

Понятия маскулинности и феминности всегда окружены множеством вопросов. Кажущиеся изначально цельными, их структуры распадаются на отдельные части, на множество феминностей и маскулинностей, существующих в различных субкультурах, из которых состоит то или иное общество. Они оказываются подвержены как инерционным изменениям, так и интенсификационным мутациям, постоянно происходящим в гендерной экономике патриарата. Данное Робертом Коннеллом (20; 44) осторожное определение "маскулинного" как особой конфигурации социокультурной практики, которая структурирована посредством гендерных отношений, указывает нам на ее неразрывную связь с концепцией "феминного", характерной для обществ, в которых обе эти практики осуществляются.

Возникающий в связи с этим вопрос связан с неопределенностью указанной связи между феминностью и маскулинностью как набором социокультурных маркеров, воспринимаемых мужчинами и женщинами. Другими словами, используя известное замечание по поводу определения геггера, предложенное Дж.Батлер (14; 7), мы вполне можем спросить: является ли маскулинность/феминность тем единством характеристик, которыми мужчина/женщина — как предполагается — должны обладать, или же это нечто, чем они должны быть?

Прежде чем пытаться ответить на этот вопрос, необходимо определить с методиками. Исследования многообразия гендерных отношений, проведенные в последнее время на Западе,